

из Москвы дядя Костя, который служил в Генеральном штабе, и дядя Андрей, который находился в охране Сталина.

В тот год, когда началась война, хлеба уродились отменные, но убирать было уже некому, взрослых мужчин, технику направили в армию, хлеб остался на полях в крестцах. Правление колхоза объявило: «Кому нужен хлеб, идите и берите, кто сколько сможет». Я с матушкой взял одеяло, палки и снопы, которые складывали на одеяло и молотили. Многие крестьяне закапывали ценные вещи и зерно в ямы, чтобы немцы не нашли, но, как в последствии выяснилось, они глубоко ошиблись. С немцами пришли и полицаи, которые протыкали землю шомполами и находили эти захоронения и все забирали себе или для немецкой армии.

Дело было осенью. Я с матушкой намолотил зерно и мы возвращались к вечеру домой. Пришли домой, а у бабушки уже остановились немцы — наши войска покинули Курск. У крыльца стоял часовой, так как в доме расквартировали штаб. Нас, конечно, пропустили в дом, но всех оставили в маленькой комнатухе, а сами расположились на кроватях в большой комнате. Столовую оставили по назначению и для своих заседаний. На веранде стояли в козлах винтовки, автоматы, в ящиках патроны, на полу в углу навалом лежали противотанковые гранаты с длинными ручками. Собаку немцы сразу застрелили, т.к. она была очень злая, а немцы этого не терпели. Кот в дом уже не заходил, не терпел немецкий дух, облюбовал себе жилье под амбаром, начал вести «партизанскую» войну. Немцам, живущим в других домах, раздавали пищу из котла, они получали ее в котелках. Пища была горячая и вкусная, так как там было много мяса (коров и поросят отбирали у жителей для кухни). Немцы ставили котелки на землю, чтобы они немножко остыли, а кот выбирал себе котелок, который плохо стоял, брал его дужку в рот и уносил под амбар. Жил неплохо, а у немцев, которые стояли на постое у бабушки, он залезал в чулан, где хранились продукты. Там было небольшое окошечко, и он брал, что ему нравилось. Немцы впоследствии обнаружили под амбаром полтора десятка котелков и расстреляли кота. У бабушки на постое находилось пять немцев. Обер-лейтенант являлся комендантом, которому было всего 19 лет и за Великую Германию он умирать не хотел. Он сносно говорил по-

русски, у нас сложились спокойные отношения. В этом я убедился через несколько дней. Во дворе стоял немецкий мотоцикл «Сундап». Коляска была отсоединена, и когда я на него сел, подножка ушла в землю и мотоцикл упал. Я успел с него соскочить. Часовой это все увидел, мотоцикл подняли и поставили на место. Но когда немцы на другой день поехали на нем в Курск, то, не доезжая станции Букреевка, он у них заглох и они притащили его обратно. Всю свою злость они выместили на мне. Меня положили на лавку и начали экзекуцию: били шомполами. Я, конечно, кричал. Не знаю, остался бы я в живых или нет, но тут появился мой спаситель в лице обер-лейтенанта, который так гаркнул на палачей, что они убрались восвояси. Мне смазали рубцы йодом и забинтовали, через неделю все зажило.

Уже на следующий день, когда немцы пришли в деревню, был издан приказ — все оружие, которое находится у населения, сдать добровольно. Кто не сдаст и его обнаружат — расстрел. Во двор со всей деревни понесли винтовки, сабли, наганы и многое другое. Во дворе образовалась целая куча оружия. За сараем я обнаружил новую винтовку, завернутую в мешковину. Я ее тоже принес в кучу, обер-лейтенант увидел ее и решил опробовать (патроны в куче такие были в обоймах). Стрелял он отменно и оружие всегда испытывал, о чем все хорошо знали. Он зарядил винтовку и у меня спросил куда и во что стрелять. Я ему показал на березу, которая стояла в двухстах метрах, где на макушке сидела ворона. Думал тогда, что и мне будет польза — суп с мясом. Он выстрелил и дико закричал, так как ему оторвало на руке три пальца, которыми он держал винтовку. Позже оказалось, что винтовка была учебной и у нее был прострелен патронник. Прибежал их доктор и перебинтовал ему руку. Он мне успел сказать, что к винтовке я никакого отношения не имею. На другой день приехали из Курска немцы из особого отдела, провели расследование, допросили и меня, так как я присутствовал при выстреле. Я также подтвердил, что обер-лейтенант испытывал все виды оружия. Комиссия сделала вывод — несчастный случай. Через неделю обер-лейтенант уехал домой. Сколько было радости у него, что он уже больше не вояка и на фронт его не пошлют. Мне сказал: «Мальчик, большое тебе спасибо, что ты мне нашел такую винтовку».